

Опыт — всему учитель.
Est rerum omnium magister usus

Записки о ГАЛЛЬСКОЙ ВОЙНЕ

ГАЙ ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ
ГОТОВОМУ ПЕРЕЙТИ РУБИКОН

Гай Юлий Цезарь
Записки о Галльской войне.
Готовому перейти Рубикон
Серия «PRO власть (Рипол)»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8374497

Записки о Галльской войне. Готовому перейти Рубикон: РИПОЛ;

Москва; 2016

ISBN 978-5-386-09296-2

Аннотация

«Записки о Галльской войне» Гая Юлия Цезаря, возможно, самая великая книга о войне в мировой литературе. Она писалась по горячим следам событий главным действующим лицом той войны, и в ней Цезарь-писатель равновелик Цезарю – полководцу и историческому деятелю. Это трагическая эпопея покорения огромной страны и лобового столкновения цивилизаций. Книга написана чрезвычайно просто и толково, будто бы речь в ней идет о борьбе римлян с грозной эпидемией. Поэтому Цезаревы «Commentarii de bello Gallico» можно читать как отчет о легендарных событиях двухтысячелетней давности, но можно и как своеобразный комментарий к позднейшим перипетиям всемирной истории.

Книга выходила также в серии «Книги мудрости»

Содержание

Гай Юлий Цезарь. Записки о Галльской войне	6
Книга первая	6
I	6
II	8
III	9
IV	10
V	10
VI	11
VII	14
VIII	15
IX	16
X	16
XI	18
XII	18
XIII	19
XIV	20
XV	21
XVI	22
XVII	23
XVIII	24
XIX	25
XX	26
XXI	28

XXII	28
XXIII	29
XXIV	30
XXV	30
XXVI	31
XXVII	33
XXVIII	33
XXIX	34
XXX	35
XXXI	36
XXXII	38
XXXIII	39
XXXIV	40
XXXV	41

Конец ознакомительного фрагмента. 43

Гай Юлий Цезарь

Записки о Галльской войне.

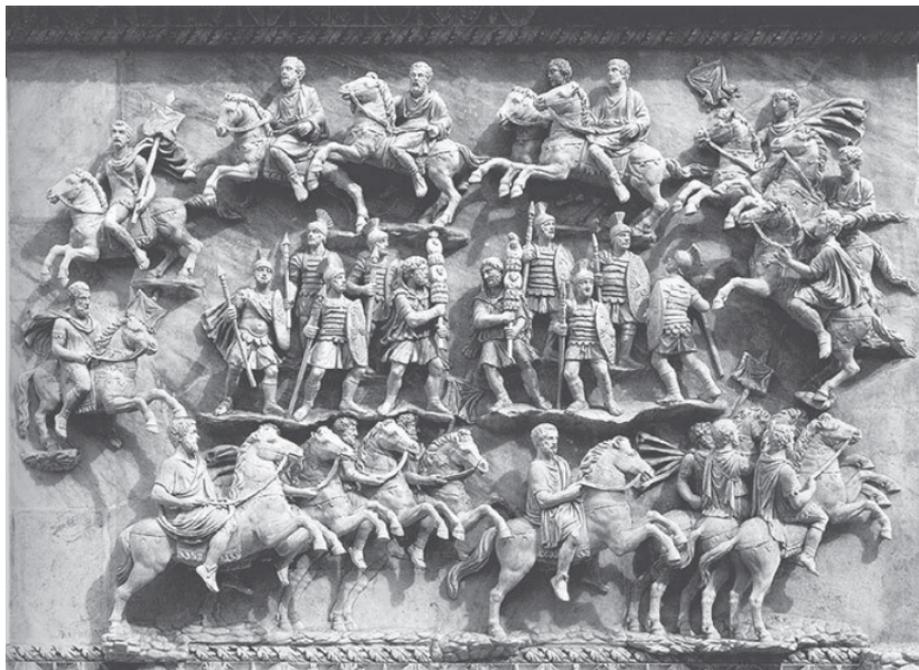
Готовому перейти Рубикон

GAIUS IULIUS CAESAR

COMMENTARII DE BELLO GALLICO

© Издание. Оформление. ООО Группа Компаний «РИ-ПОЛ классик», 2016

Гай Юлий Цезарь. Записки о Галльской войне

Книга первая

I

Галлия по всей своей совокупности разделяется на три ча-

сти. В одной из них живут бельги¹, в другой – аквитаны², в третьей – те племена, которые на их собственном языке называются кельтами, а на нашем – галлами³. Все они отличаются друг от друга особым языком, учреждениями и законами. Галлов отделяет от аквитанов река Гарумна, а от бельгов – Матрона и Секвана. Самые храбрые из них – бельги, так как они живут дальше всех других от Провинции с ее культурной и просвещенной жизнью; кроме того, у них крайне редко бывают купцы, особенно с такими вещами, которые влекут за собою изнеженность духа; наконец, они живут в ближайшем соседстве с зарейнскими германцами, с которыми ведут непрерывные войны. По этой же причине и гельветы⁴ превосходят остальных галлов храбростью: они почти ежедневно сражаются с германцами, либо отбивая их вторжения в свою страну, либо воюя на их территории. Та часть, которую, как мы сказали, занимают галлы, начинается у реки Родана и ее границами служат река Гарумна, Океан и страна бельгов; но со стороны секванов⁵ и гельветов она примыкает также к реке Рейну. Она тянется к северу. Страна бельгов начинается у самой дальней границы Галлии и доходит до

¹ Бельги (Belgae) – группа племен, занимавшая третью часть Галлии.

² Аквитаны (Aquitani) – жители Аквитании (Aquitania), самой южной из трех главных частей Галлии между Пиренеями и Гаронной и океаном.

³ Галлы (Galli) – жители Галлии.

⁴ Гельветы (Helvetii) – гальское племя между Женевским озером и Рейном.

⁵ Секваны (Sequani) – крупное племя в Кельтской Галлии между Араром и Юрой.

нижнего Рейна. Она обращена на северо-восток. Аквитания идет от реки Гарумны до Пиренейских гор и до той части Океана, которая омывает Испанию. Она лежит на северо-запад.

II

У гельветов первое место по своей знатности и богатству занимал Оргеториг. Страстно стремясь к царской власти, он, в консульство М. Мессалы и М. Писона, вступил в тайное соглашение со знатью и убедил общину выселиться всем народом из своей земли: так как гельветы, говорил он, превосходят всех своей храбростью, то им нетрудно овладеть верховной властью над всей Галлией. Склонить на это гельветов было для него тем легче, что по природным условиям своей страны они отовсюду стеснены: с одной стороны весьма широкой и глубокой рекой Рейном, которая отделяет область гельветов от Германии, с другой – очень высоким хребтом Юрой – между секванами и гельветами, с третьей – Леманнским озером и рекой Роданом, отделяющей нашу Провинцию от гельветов. Все это мешало им расширять район своих набегов и вторгаться в земли соседей: как люди воинственные, они этим очень огорчались. Они полагали, что при их многолюдстве, военной славе и храбрости им было слишком тесно на своей земле, которая простиралась на двести сорок миль в длину и на сто шестьдесят в ширину.

III

Эти основания, а также авторитет Оргеторига склонили их к решению приготовить все необходимое для похода, купить возможно большее количество вьючных животных и телег, засеять как можно больше земли, чтобы на походе было достаточно хлеба, и укрепить мирные и дружественные отношения с соседними общинами. Для выполнения всех этих задач, по их мнению, довольно было двух лет, а на третий год должно было состояться, по постановлению их народного собрания, поголовное выселение. Оргеториг взял на себя посольство к общинам. Во время этой поездки он убеждает секвана Кастика, сына Катаманталеда, который много лет был царем секванов и имел от нашего сената титул друга римского народа, захватить в своей общине царскую власть, которая раньше была в руках его отца; к такой же попытке он склоняет и эдуа Думнорига, брата Дивитиака, который в то время занимал в своей общине высшую должность и был очень любим простым народом. За Думнорига он, кроме того, выдает замуж свою дочь. Оргеториг доказывает им, что эти попытки очень легко осуществимы, так как сам он должен получить верховную власть в своей общине, а гельветы, несомненно, самый сильный народ в Галлии; он ручается, что при своих средствах и военной силе обеспечит им царскую власть. Под влиянием подобных речей они дают друг другу клятвенные

обязательства и надеются, что после захвата царской власти они овладеют всей Галлией при помощи трех самых сильных и могущественных народов.

IV

Но об этих замыслах гельветы узнали через доносчиков. Согласно со своими нравами они заставили Оргеторига отвечать перед судом в оковах. В случае осуждения ему предстояла смертная казнь посредством сожжения. Но в назначенный для суда день Оргеториг отовсюду собрал на суд всех своих крепостных, около десяти тысяч человек, а также приказал явиться всем своим клиентам и должникам, которых у него было много; при помощи всех этих людей он избавился от необходимости защищаться на суде. Когда возмущенная этим община пыталась вооруженной силой осуществить свое право и власти стали набирать народ из деревень, Оргеториг умер; по мнению гельветов, есть основания подозревать, что он покончил с собой.

V

После его смерти гельветы тем не менее продолжали заботиться о выполнении своего решения выселиться всем народом. Как только они пришли к убеждению, что у них все для этой цели готово, они сожгли все свои города числом до

двенадцати, села числом около четырехсот и, сверх того, все частные хутора, сожгли и весь хлеб, за исключением того, который должны были взять с собой на дорогу, – с тем чтобы не иметь уже никаких надежд на возвращение домой и, таким образом, быть более готовыми на какие угодно опасности: каждому приказано было взять с собой муки на три месяца. Они уговорили также своих соседей – рауриков⁶, тулингов⁷ и латовиков⁸ – сжечь, подобно им, свои города и села и двинуться вместе с ними. Наконец, они приняли к себе и включили в число своих союзников также боев⁹, которые поселились за Рейном, затем перешли в Норик и осаждали Норею.

VI

Было вообще два пути, по которым гельветы могли выступить из своей страны: один узкий и трудный – через область секванов, между Юрой и Роданом, по которому с трудом может проходить одна телега в ряд; кроме того, над ним нависали весьма высокие горы, так что даже очень небольшой отряд легко мог загородить дорогу; другой шел через

⁶ Раурики (Raurici) – племя в Кельтской Галии, по соседству с гельветами, где был впоследствии город Augusta Rauricorum, н. August у Базеля.

⁷ Тулинги (Tulingi) – германское племя, соседи гельветов.

⁸ Латовики (Latovici) – германское племя, соседи гельветов.

⁹ Бои (Voi) – кельтское племя соседи гельветов, с городом Горгобиной.

нашу Провинцию и был гораздо легче и удобнее, так как между гельветами и недавно покоренными аллоброгами¹⁰ течет река Родан, в некоторых местах проходимая вброд. Самый дальний от нас город аллоброгов в ближайшем соседстве с гельветами – Генава. Из этого города идет мост в страну гельветов. Они были уверены в том, что либо уговорят все еще не примирившихся с римской властью аллоброгов, или же заставят силой дать свободный проход через их землю. Приготовив все необходимое для похода, они назначают срок для общего сбора на берегу Родана. Это был пятый день до апрельских Календ, в год консульства Л. Писона и А. Габивия.

¹⁰ Аллоброги (Allobroges) – кельтское племя, жившее между Роной, Изерой, Женевским озером и Альпами, в теперешнем Дофине и Савоие. Главный город их – Виенна, н. Vienne.

VII

При известии о том, что гельветы пытаются идти через нашу Провинцию, Цезарь ускорил свой отъезд из Рима, двинулся самым скорым маршем в Дальнюю Галлию и прибыл в Генаву. Во всей Провинции он приказал произвести усиленный набор (вообще же в Дальней Галлии стоял только один легион) и разрушить мост у Генавы. Как только гельветы узнали о его прибытии, они отправили к нему послами знатнейших людей своего племени. Во главе посольства стояли Наммей и Веруклетий. Они должны были заявить, что гельветы имеют в виду пройти через Провинцию без всякого для нее вреда, так как никакого другого пути у них нет, и просят его соизволения на это. Но так как Цезарь помнил, что гельветы убили консула Л. Кассия, разбили его армию и провели ее под ярмо, то он не считал возможным согласиться на их проход: он понимал, что люди, враждебно настроенные, в случае разрешения пройти через Провинцию не воздержатся от причинения вреда и насилий. Однако, чтобы выиграть время до прихода набранных солдат, он ответил послам, что ему нужно будет время, чтобы об этом подумать; если им угодно, то пусть они снова явятся к апрельским Идам.

VIII

Тем временем, при помощи бывшего при нем легиона и солдат, которые уже собрались из Провинции, он провел от Леманнского озера, которое изливается в реку Родан, до хребта Юры, разделяющего области секванов и гельветов, вал на протяжении девятнадцати миль в шестнадцать футов высотой и ров. По окончании этих сооружений он расставил вдоль их посты и заложил сильные редуты, чтобы тем легче задержать врагов в случае их попытки пройти против его воли. Как только наступил условленный с послами день и они снова к нему явились, он объявил им, что, согласно с римскими обычаями и историческими прецедентами, он никому не может разрешить проход через Провинцию, а если они попытаются сделать это силой, то он сумеет их удержать. Гельветы, обманувшись в своих надеждах, стали делать попытки, иногда днем, а чаще ночью, прорваться частью на связанных попарно судах и построенных для этой цели многочисленных плотях, отчасти вброд, в самых мелких местах Родана. Но мощь наших укреплений, атаки наших солдат и обстрелы каждый раз отгоняли их и в конце концов заставили отказаться от их попыток.

IX

Оставался единственный путь через страну секванов, по которому, однако, гельветы не могли двигаться, вследствие его узости, без разрешения секванов. Так как им самим не удалось склонить последних на свою сторону, то они отправили послов к эдую Думноригу, чтобы при его посредстве добиться согласия секванов. Думнориг, благодаря своему личному авторитету и щедрости, имел большой вес у секванов и вместе с тем был дружен с гельветами, так как его жена, дочь Оргеторига, была из их племени; кроме того, из жажды царской власти он стремился к перевороту и желал обязать себе своими услугами как можно больше племен. Поэтому он берет на себя это дело, добивается у секванов разрешения для гельветов на проход через их страну и устраивает между ними обмен заложниками на том условии, что секваны не будут задерживать движения гельветов, а гельветы будут идти без вреда для страны и без насилий.

X

Цезарю дали знать, что гельветы намереваются двигаться через области секванов и эдуев в страну сантонов¹¹, ле-

¹¹ Сантоны (Santoni) – приморское племя Кельтской Галлии к северу от Гарумны, н. Saintes.

жашую недалеко от области толосатов¹², которая находится уже в Провинции. Он понимал, что в таком случае для Провинции будет очень опасно иметь своими соседями в местности открытой и очень хлебородной людей воинственных и враждебных римлянам. Поэтому он назначил комендантом построенного им укрепления своего легата Т. Лабиена, а сам поспешил в Италию, набрал там два легиона, вывел из зимнего лагеря еще три зимовавших в окрестностях Аквилеи и с этими пятью легионами быстро двинулся кратчайшими путями через Альпы в Дальнюю Галлию. Здесь кеутроны¹³, грайокелы¹⁴ и катуриги¹⁵, заняв возвышенности, пытались загородить путь нашей армии, но были разбиты в нескольких сражениях, и на седьмой день Цезарь достиг – от самого дальнего в Ближней Галлии города Окела – области воконтиев¹⁶ в Дальней Провинции. Оттуда он повел войско в страну аллоброгов, а от них к сегусиavam. Это – первое племя за Роданом вне Провинции.

¹² Толосаты (Tolosates) – жители Толосы (Tolosa), города в Провинции (вольков-тектосагов) на Гаронне.

¹³ Кеутроны (Ceutrones): а) галльское альпийское племя в Провинции, в теперешнем *dép. Savoie*; б) бельгийское племя, клиенты нервиев, жившие по левому берегу Шельды.

¹⁴ Грайокелы (Graioceli) – племя в Провинции Галлии около Mont-Cenis с городом Окелом (Ocelum).

¹⁵ Катуриги (Caturiges) – галльское племя в Провинции, имя которого еще сохранилось за современным местечком Chorges, *dép. Hautes Alpes* в бывшей провинции Le Dauphiné.

¹⁶ Воконтии (Vocontii) – кельтское племя в Провинции между Роной и Изерой.

XI

Гельветы уже перевели свои силы через ущелье и область секванов, уже пришли в страну эдуев и начали опустошать их поля. Так как эдуи не были в состоянии защищать себя и свое имущество, то они отправили к Цезарю послов с просьбой о помощи: эдуи, говорили послы, *при каждом удобном случае оказывали римскому народу такие важные услуги, что не следовало бы допускать – почти что на глазах римского войска! – опустошения их полей, увода в рабство их детей, завоевания их городов.* Единовременно с эдуями их друзья и ближайшие родичи амбарры¹⁷ известили Цезаря, что их поля опустошены и им нелегко защищать свои города от нападений врагов. И аллоброги, имевшие за Роданом поселки и земельные участки, спаслись бегством к Цезарю и заявили, что у них осталась лишь голая земля. Все это привело Цезаря к решению не дожидаться, пока гельветы истребят все имущество союзников и дойдут до земли сантонов.

XII

По земле эдуев и секванов протекает и впадает в Родан река Арар. Ее течение поразительно медленно, так что невозможно разглядеть, в каком направлении она течет. Гельве-

¹⁷ Амбарры (Ambarri) – небольшое кельтское племя между Соной и Роной.

ты переправлялись через нее на плотах и связанных попарно челноках. Как только Цезарь узнал от разведчиков, что гельветы перевели через эту реку уже три четверти своих сил, а около одной четверти осталось по сю сторону Арара, он выступил из лагеря в третью стражу с тремя легионами и нагнал ту часть, которая еще не перешла через реку. Так как гельветы не были готовы к бою и не ожидали нападения, то он многих из них положил на месте, остальные бросились бежать и укрылись в ближайших лесах. Этот паг назывался Тигуринским (надо сказать, что весь народ гельветский делится на четыре пага). Это и есть единственный паг, который некогда на памяти отцов ваших выступил из своей земли, убил консула Л. Кассия и его армию провел под ярмо. Таким образом, произошло ли это случайно или промыслом бессмертных богов, во всяком случае, та часть гельветского племени, которая когда-то нанесла римскому народу крупные поражения, первая и поплатилась. Этим Цезарь отомстил не только за римское государство, но и за себя лично, так как в упомянутом сражении тигуринцы убили вместе с Кассием его легата Л. Писона, деда Цезарева тестя Л. Писона.

ХІІІ

Чтобы догнать после этого сражения остальные силы гельветов, Цезарь распорядился построить на Араре мост и по нему перевел свое войско. Его внезапное приближение по-

разило гельветов, так как они увидели, что он в один день осуществил переправу, которая удалась им едва-едва в двадцать дней. Поэтому они отправили к нему послов. Во главе их был князь Дивикон, который когда-то был вождем гельветов в войне с Кассием. Он начал такую речь к Цезарю: *если римский народ желает мира с гельветами, то они пойдут туда и будут жить там, где он им укажет места для поселения; но если Цезарь намерен продолжать войну с ними, то пусть он вспомнит о прежнем поражении римлян и об унаследованной от предков храбрости гельветов. Если он неожиданно напал на один паг в то время, как переправлявшиеся не могли подать помощи своим, то пусть он не приписывает эту удачу главным образом своей доблести и к ним не относится свысока. От своих отцов и дедов они научились тому, чтобы в сражениях полагаться только на храбрость, а не прибегать к хитростям и засадам. Поэтому пусть он не доводит дела до того, чтобы то место, на котором они теперь стоят, получило название и известность от поражения римлян и уничтожения их армии.*

XIV

Цезарь дал им такой ответ: *он тем менее колеблется, что твердо держит в памяти то происшествие, на которое ссылались гельветские послы, и тем более им озорчен, чем менее оно было заслужено римским народом. Ведь если бы*

римляне сознавали себя виновными в какой-либо несправедливости, то им нетрудно было бы остеречься; но они ошиблись именно потому, что их действия не давали им повода к опасениям, а бояться без причины они не находили нужным. Итак, если он даже и готов забыть о прежнем позоре, неужели он может изгладить из своей памяти недавнее правонарушение, именно что гельветы против его воли попытались силой пройти через Провинцию и причинили много беспокойства эдуям, амбаррам, аллоброгам? К тому же сводится их надменное хвастовство своей победой и удивление, что так долго остаются безнаказанными причиненные ими обиды. Но ведь бессмертные боги любят давать иногда тем, кого они желают покарать за преступления, большое благополучие и продолжительную безнаказанность, чтобы с переменой судьбы было тяжелее их горе. При всем том, однако, если они дадут ему заложников в удостоверение готовности исполнить свои обещания и если удовлетворят эдуев за обиды, причиненные им и их союзникам, а также аллоброгов, то он согласен на мир с ними. Дивикон отвечал: гельветы научились у своих предков брать заложников и не давать их; этому сам римский народ свидетель. С этим ответом он удалился.

XV

На следующий день они снялись отсюда с лагеря. Цезарь

сделал то же самое и для наблюдения над маршрутом неприятелей выслал вперед всю конницу, числом около четырех тысяч человек, которых он набрал во всей Провинции, а также у эдуев и их союзников. Всадники, увлекшись преследованием арьергарда, завязали на невыгодной позиции сражение с гельветской конницей, в котором потеряли несколько человек убитыми. Так как гельветы всего только с пятьюстами всадников отбросили такую многочисленную конницу, то это сражение подняло в них дух, и они стали по временам смелее давать отпор и беспокоить наших нападениями своего арьергарда. Но Цезарь удерживал своих солдат от сражения и пока ограничивался тем, что не давал врагу грабить и добывать фураж. И вот обе стороны двигались около пятнадцати дней так, что расстояние между неприятельским арьергардом и нашим авангардом было не больше пяти или шести миль.

XVI

Между тем Цезарь каждый день требовал от эдуев хлеба, официально ими обещанного. При упомянутом северном положении Галлии, вследствие холодного климата, не только еще не созрел хлеб на полях, но даже и фуража было недостаточно; а тем хлебом, который он подвез по реке Арару на судах, он почти не мог пользоваться, так как гельветы свернули в сторону от Арара, а он не хотел упускать их из виду.

Эдуи оттягивали дело со дня на день, уверяя его, что хлеб собирается, свозится, уже готов. Цезарь понял, что его уж очень долго обманывают; а между тем наступал срок распределения хлеба между солдатами. Тогда он созвал эдуйских князей, которых было много в его лагере. В числе их были, между прочим, Дивитиак и Лиск. Последний был в то время верховным правителем, который называется у эдуев вергобретом, избирается на год и имеет над своими согражданами право жизни и смерти. Цезарь предъявил им тяжкие обвинения в том, что, когда хлеба нельзя ни купить, ни взять с полей, в такое тяжелое время, при такой близости врагов они ему не помогают, а между тем он решился на эту войну главным образом по их просьбе; но еще более он жаловался на то, что ему вообще изменили.

XVII

Только тогда, после речи Цезаря, Лиск высказал то, о чем раньше молчал. Есть известные люди, говорил он, очень авторитетные и популярные у простого народа, личное влияние которых сильнее, чем у самих властей. Вот они-то своими мятежными и злостными речами и отпугивают народ от обязательной для него доставки хлеба; раз уж эдуи, говорят они, не могут стать во главе Галлии, то все же лучше покориться галлам, чем римлянам: ведь если римляне победят гельветов, то они, несомненно, поработят эдуев так же, как

и остальных галлов. Те же агитаторы выдают врагам наши планы и все, что делается в лагере; обуздать их он, Лиск, не может. Мало того, он понимает, какой опасности он подверг себя вынужденным сообщением Цезарю того, что он обязан был сообщить; вот почему он, пока только можно было, молчал.

XVIII

Цезарь понимал, что Лиск намекает на Думнорига, брата Дивитиака, но, не желая дальнейших рассуждений об этом в присутствии большого количества свидетелей, он немедленно распустил собрание и удержал при себе только Лиска. Его он стал расспрашивать наедине по поводу сказанного в собрании. Тот говорит откровеннее и смелее. О том же Цезарь спросил с глаза на глаз и у других и убедился в истине слов Лиска: это и есть Думнориг, говорят они, человек очень смелый, благодаря своей щедрости весьма популярный в народе и очень склонный к перевороту. Много лет подряд у него были на откупу пошрины и все остальные государственные доходы эдубе за ничтожную цену, так как на торгах никто в его присутствии не осмеливается предлагать больше, чем он. Этим он и сам лично обогатился, и приобрел большие средства для своих щедрых раздач. Он постоянно содержит на свой собственный счет и имеет при себе большую конницу и весьма влиятелен не только у себя на родине, но и у сосед-

них племен. Кроме того, для укрепления своего могущества он отдал свою мать замуж за очень сильного князя битуригов¹⁸, сам взял себе жену из племени гельветов, сестру по матери и других родственниц выдал замуж в другие общины. Благодаря этому свойству он очень расположен к гельветам, а к Цезарю и к римлянам питает, помимо всего прочего, личную ненависть, так как их приход ослабил его могущество и возвратил прежнее влияние и сан брату его Дивитиакку. Если римлян постигнет несчастье, то это даст ему самые верные гарантии при поддержке гельветов овладеть царской властью; но если утвердится римская власть, то ему придется оставить всякую надежду не только на царство, но даже на сохранение того влияния, которым он теперь пользуется. В своих расспросах Цезарь узнал также и о том, что в неудачном конном сражении, бывшем несколько дней тому назад, первыми побежали Думнориг и его всадники (Думнориг был как раз командиром вспомогательного конного отряда, присланного эдуями Цезарю), а их бегство вызвало панику и в остальной коннице.

XIX

Эти сообщения давали Цезарю достаточное основание покарать его или самолично, или судом его сограждан, так как

¹⁸ Битуриги (Bituriges Cubi) – племя в Кельтской Галлии по соседству с эдуями, н. Berry.

к указанным подозрениям присоединялись вполне определенные факты, именно, что он перевел гельветов через страну секванов, устроил между ними обмен заложниками, что он все это сделал не только против воли Цезаря и своего племени, но даже без их ведома и что, наконец, в этом его обвиняет представитель высшей власти у эдуев. Но было одно серьезное препятствие. Цезарь знал, что брат Думнорига Дивитиак отличается великой преданностью римскому народу и расположением лично к нему и что это – человек в высшей степени верный, справедливый и разумный: его-то и боялся Цезарь обидеть казнью Думнорига. Поэтому прежде, чем принять какие-либо меры, он приказал позвать к себе Дивитиака, удалил обычных переводчиков и повел с ним беседу при посредстве своего друга Г. Валерия Троукилла, видного человека из Провинции Галлии, к которому питал полное доверие. Цезарь, между прочим, напомнил о том, что на собрании галлов в его присутствии было сказано о Думнориге; затем сообщил ему о том, что сказали ему другие, каждый в отдельности, в разговоре с глазу на глаз. При этом он убедительно просил Дивитиака не считать себя оскорбленным, если он сам по расследовании дела поставит приговор о Думнориге или предложит это сделать общине эдуев.

XX

Дивитиак, обливаясь слезами, обнял [колена] Цезаря и на-

чал умолять его не принимать слишком суровых мер против его брата: он знает, что все это правда, и никто этим так не огорчен, как он: ведь его брат возвысился только благодаря ему в то время, когда он сам пользовался большим влиянием у себя на родине и в остальной Галлии, а тот по своей молодости не имел почти никакого значения. Но все свои средства и силы брат употребляет не только для уменьшения его влияния, но, можно сказать, для его гибели. И все-таки, помимо своей любви к брату, ему приходится считаться и с общественным мнением. Если Цезарь слишком сурово накажет Думнорига, то все будут уверены, что это произошло не без согласия Дивитиака, который состоит в числе самых близких его друзей; а в результате от него отвернется вся Галлия. В ответ на эту красноречивую просьбу, сопровождаемую обильными слезами, Цезарь взял его за руку, утешил и просил прекратить свое ходатайство, уверяя Дивитиака, что он так им дорожит, что во внимание к его желанию и просьбе готов простить Думноригу измену римскому народу и свое личное оскорбление. Затем он зовет к себе Думнорига и в присутствии брата ставит ему на вид все, что он в нем порицает, все, что замечает за ним сам и на что жалуются его сограждане; на будущее время советует избегать всяких поводов к подозрению, а прошлое извиняет ради его брата Дивитиака. К Думноригу он приставил стражу, чтобы знать все, что он делает и с кем разговаривает.

XXI

В тот же день, узнав от разведчиков, что враги остановились у подошвы горы в восьми милях от его лагеря, он послал на разведку, какова эта гора и каков подъем на нее с разных сторон. Ему сообщили, что легкий. Тогда он приказал легату с правами претора Т. Лабиезу подняться в третью стражу на самую вершину горы с двумя легионами и с такими проводниками, которые хорошо знают путь; вместе с тем он познакомил его со своим общим планом действия. А сам в четвертую стражу двинулся на врагов тем же путем, каким они шли, и выслал вперед себя всю конницу. Вместе с разведчиками был послан вперед П. Консидий, который считался знатоком военного дела и в свое время служил в войске Л. Суллы, а впоследствии у М. Красса.

XXII

На рассвете Лабиез уже занял вершину горы, а сам Цезарь был от неприятельского лагеря не более как в полутора милях; причем враги, как он потом узнал от пленных, пока еще не знали ни о его приходе, ни о приходе Лабиеза. В это время во весь опор прискакал Консидий с известием, что гора, которую он поручил занять Лабиезу, находится в руках врагов: это он будто бы узнал по галльскому оружию и украшени-

ям. Цезарь повел свои войска на ближайший холм и выстроил их в боевом порядке. Лабиден помнил приказ Цезаря не начинать сражения, пока не увидит его собственного войска вблизи неприятельского лагеря, чтобы атаковать врага одновременно со всех сторон, и потому, по занятии горы, поджидал наших и воздерживался от боя. Уже среди белого дня Цезарь узнал от разведчиков, что гора занята римлянами и что гелветы снялись с лагеря, а Консидий со страха сообщил, будто бы видел то, чего на самом деле не видел. В этот день Цезарь пошел за врагами в обычном от них расстоянии и разбил свой лагерь в трех милях от их лагеря.

XXIII

До распределения между солдатами хлеба оставалось только два дня, и так как Цезарь находился не более чем в восемнадцати милях от самого большого у эдуев и богатого провиантом города Бибракте, то он счел нужным позаботиться о продовольственном деле и на следующий день свернул в сторону от гелветов, направившись к Бибракте. Об этом было сообщено неприятелям через беглых рабов декурiona галльской конницы Л. Эмилия. Может быть, гелветы вообразили, что римляне уходят от них из страха, тем более что накануне, несмотря на захват возвышенностей, они не завязали сражения; но может быть, у них появилась уверенность, что римлян можно отрезать от хлеба. Во всяком слу-

чае, они изменили свой план, повернули назад и начали на-седать на наш арьергард и беспокоить его.

XXIV

Заметив это, Цезарь повел свои войска на ближайший холм и выслал конницу, чтобы сдерживать нападения врагов. Тем временем сам он построил в три линии на середине склона свои четыре старых легиона, а на вершине холма поставил два легиона, недавно набранные им в Ближней Галлии, а также все вспомогательные отряды, заняв таким образом всю гору людьми, а багаж он приказал снести тем временем в одно место и прикрыть его полевыми укреплениями, которые должны были построить войска, стоявшие наверху. Последовавшие за ним вместе со своими телегами гельветы также направили свой обоз в одно место, а сами отбросили атакой своих тесно сомкнутых рядов нашу конницу и, построившись фалангой, пошли в гору на нашу первую линию.

XXV

Цезарь приказал прежде всего увести своего коня, а затем и лошадей всех остальных командиров, чтобы при одинаковой для всех опасности отрезать всякие надежды на бегство; ободрив после этого солдат, он начал сражение. Так как солдаты пускали свои тяжелые копья сверху, то они без тру-

да пробили неприятельскую фалангу, а затем обнажили мечи и бросились в атаку. Большой помехой в бою для галлов было то, что римские копья иногда одним ударом пробивали несколько щитов сразу и таким образом пригвождали их друг к другу, а когда острие загибалось, то его нельзя было вытащить, и бойцы не могли с удобством сражаться, так как движения левой рукой были затруднены; в конце концов многие, долго тряся рукой, предпочитали бросать щит и сражаться, имея все тело открытым. Сильно израненные, они наконец начали подаваться и отходить на ближайшую гору, которая была от них на расстоянии около одной мили, и ее заняли. Когда к ней стали подступать наши, то бои и тулинги, замыкавшие и прикрывавшие в количестве около пятнадцати тысяч человек неприятельский арьергард, тут же на походе зашли нашим в незащищенный фланг и напали на них. Когда это заметили те гельветы, которые уже отступили на гору, то они стали снова наседали на наших и пытаться возобновить бой. Римляне сделали поворот и пошли на них в два фронта: первая и вторая линии обратились против побежденных и отброшенных гельветов, а третья стала задерживать только что напавших тулингов¹⁹ и боев.

XXVI

Таким образом долго и горячо сражались на два фронта.

¹⁹ Тулинги (Tulingi) – германское племя, соседи гельветов.

Но когда наконец враги оказались не в состоянии выдерживать наши атаки, то одни из них отступили на гору, как это было и сначала, а другие обратились к своему обозу и повозкам; в продолжение всего этого сражения, хотя оно шло от седьмого часа до вечера, никто из врагов не показал нам тыла. До глубокой ночи шел бой также и у обоза, так как галлы выставили наподобие вала телеги и с них отвечали на наши атаки обстрелом, причем некоторые из них, расположившись между повозками и телегами, бросали оттуда свои легкие копья и ранили наших. Но после долгого сражения наши овладели и обозом, и лагерем. Тут были взяты в плен дочь и один из сыновей Оргеторига. От этого сражения уцелело около ста тридцати тысяч человек, и они шли всю ночь без перерыва; нигде не останавливаясь ни днем, ни ночью, они на четвертый день дошли до области лингонов²⁰, так как наши были целых три дня заняты ранеными и погребением убитых и потому не могли их преследовать. Цезарь отправил к лингонам гонцов с письменным приказом не помогать гельветам ни хлебом, ни чем-либо иным: тех, кто окажет помощь, он будет рассматривать как врагов наравне с гельветами. Затем сам он по истечении трех дней двинулся со всем своим войском в погоню за ними.

²⁰ Лингоны (Lingones) – племя в Кельтской Галлии (ср. н. Langres).

XXVII

Доведенные таким образом до полной крайности, гельветы отправили к Цезарю послов с предложением сдачи. Они встретились с ним на походе, бросились к его ногам и со слезами покорно молили о мире. Он приказал им ждать его прихода на том месте, где они теперь находятся. Они повиновались. Прибыв туда, Цезарь потребовал от них заложников, а также выдачи оружия и перебежавших к ним рабов. Пока все это разыскивали и собирали в одно место, наступила ночь, и около шести тысяч человек из так называемого Вербигенского пага в самом же начале ночи оставили гельветский лагерь и направились к Рейну и в страну германцев, может быть, из страха, что по выдаче оружия их перебьют, а может быть, в надежде на спасение, так как при очень большой массе сдававшихся их бегство могло бы быть скрыто или даже совсем остаться незамеченным.

XXVIII

Как только Цезарь узнал об этом, он приказал тем племенам, через страну которых они шли, разыскать их и вернуть назад, если они желают перед ним оправдаться. С возвращенными он поступил как с врагами, а сдачу всех остальных принял по выдаче заложников, оружия и перебежчиков.

Гельветам, тулингам и латовикам он велел вернуться на их покинутую родину, а так как по уничтожении всего урожая им дома нечего было есть, то приказал аллоброгам дать им нужный запас провианта; сожженные ими города и села они должны были отстроить сами. Это он сделал главным образом из нежелания, чтобы покинутая гельветами страна оставалась пустой; иначе вследствие доброкачественности почвы могли бы переселиться в страну гельветов зарейнские германцы и, таким образом, сделались бы соседями Галльской Провинции и аллоброгов. На просьбу эдуев поселить в их стране известных своей выдающейся храбростью боев он изъявил согласие. Они отвели им землю и впоследствии приняли их в свою общину, дав им те же права и свободу, какими пользовались сами.

XXIX

В лагере гельветов были найдены и доставлены Цезарю списки, написанные греческими буквами. В них были поименно подсчитаны все вообще выселившиеся и отдельно указано число способных носить оружие, а также детей, стариков и женщин. В итоге оказалось: гельветов двести шестьдесят три тысячи, тулингов тридцать шесть тысяч, латовиков четырнадцать тысяч, рауриков двадцать три тысячи, боев тридцать две тысячи; из них около девяноста двух тысяч способных носить оружие. А в общем итоге – триста шесть-

десять восемь тысяч. Число вернувшихся домой, по переписи, произведенной по приказу Цезаря, оказалось сто десять тысяч.

XXX

По окончании войны с гельветами к Цезарю явились с поздравлениями, в качестве представителей почти всей Галлии, князья общин. *Хотя он, говорили они, войной покарал гельветов за старые обиды, причиненные ими римскому народу, но они понимают, что такой исход столько же полезен для галльской земли, сколько для римского народа, так как гельветы, жившие у себя на родине в полном благополучии, покинули ее только с тем намерением, чтобы открыть войну против всей Галлии и подчинить ее своей власти, а затем из многих доставшихся им галльских областей выбрать себе для жительства самую удобную и плодородную и все остальные племена сделать своими данниками.* Вместе с тем они просили у Цезаря разрешения и согласия на созыв к определенному дню представителей всей Галлии: *по некоторым вопросам они желали бы, согласно с общим решением этого собрания, обратиться к нему с просьбой.* Получив это позволение, они установили день для собрания и обязались взаимной клятвой, что никто, за исключением лиц, на то официально уполномоченных, не будет разглашать постановлений собрания.

XXXI

Когда это собрание разошлось, то те же князья общин, которые перед этим были у Цезаря, вернулись к нему и попросили у него позволения переговорить с ним о существенных интересах не только своих личных, но и всей Галлии. Получив это разрешение, они все со слезами бросились перед Цезарем на колени и сказали, что они столь же настойчиво стремятся к сохранению в тайне своих сообщений, как к исполнению своих желаний, потому что в случае разглашения тайны им, несомненно, предстоит мучительнейшая смерть. Тогда от лица их взял слово эдуй Дивитиак. *Вся Галлия, говорил он, распадается на две партии: во главе одной стоят эдуи, во главе другой – арверны*²¹. Они много лет вели друг с другом ожесточенную борьбу за господство, и дело кончилось тем, что арверны и секваны наняли на свою службу германцев. Последние перешли через Рейн сначала в количестве около пятнадцати тысяч человек; но когда этим грубым варварам полюбились галльские поля, образ жизни и благосостояние, их перешло еще больше; и теперь в Галлии их уже около ста двадцати тысяч человек. Эдуи и их клиенты неоднократно вели с ними вооруженную борьбу, но в конце концов потерпели тяжкое поражение и лишились всей

²¹ Арверны (Arverni) – могущественное племя в Кельтской Галлии по реке Элаверу с главным городом Герговией, в графстве Оверни (départ. Puy-de-Dôme).

знати, всего сената и всей конницы. Эдуи, когда-то самые могущественные во всей Галлии благодаря своей храбрости, а также узам гостеприимства и дружбы с римским народом, были сломлены этими роковыми сражениями и вынуждены были дать в заложники секванам своих знатнейших граждан, а кроме того, обязать свою общину клятвой – никогда не требовать назад заложников, не молить римский народ о помощи и не отказывать в полном и неизменном повиновении их неограниченной власти. Он, Дивитиак, оказался единственным человеком во всей общине эдуев, которого не удалось принудить ни к этой клятве, ни к выдаче детей своих в заложники. Поэтому он бежал из своей общины и прибыл в Рим просить сенат о помощи, так как он один не связан ни клятвой, ни заложниками. Впрочем, с победителями секванам случилось нечто худшее, чем с побежденными эдуями: в их стране утвердился германский царь Ариовист, занял треть земли секванов, самой лучшей во всей Галлии, и теперь приказывает секванам очистить еще одну треть, так как несколько месяцев тому назад к нему прибыло двадцать четыре тысячи гарудов²², которым должна быть предоставлена земля для поселения. Дело кончится тем, что через немного лет все галлы будут выгнаны из своей страны и все германцы перейдут через Рейн, ибо нельзя и сравнивать галльскую землю с германской, равно как

²² Гаруды (Harudes) – германское племя, жившее между Рейном, Майном и Дунаем.

и галльский образ жизни с германским. Ариовист со времени своей победы над галльскими войсками при Магетобриге властвует высокомерно и жестоко, он требует в заложники детей самых знатных граждан и подвергает их для примера жесточайшим наказаниям, если что-либо делается не по его мановению и воле. Это – человек дикий, вспыльчивый и вздорный: его деспотизма они выносить дальше не могут. Если они не найдут помощи у Цезаря или у римского народа, то всем галлам придется последовать примеру гельветов, именно – покинуть родной дом, искать себе другой земли, другого местожительства подальше от германцев и испытать все, что выпадет на их долю. Если все это будет сообщено Ариовисту, то он, несомненно, подвергнет жесточайшей казни всех находящихся у него заложников. Только Цезарь своим личным авторитетом, внушительным войском, недавней победой и самим именем римского народа может остановить германцев от переселения в еще большем количестве за Рейн и защитить всю Галлию от обид со стороны Ариовиста.

XXXII

После этой речи Дивитиака все присутствующие с громким плачем стали просить Цезаря о помощи. Цезарь заметил, что только секваны не делают того, что другие, но с опущенной головой печально смотрят в землю. Он с удивлением

спросил их о причине такого поведения. Секваны ничего не отвечали, но продолжали молчать и оставались печальными, как прежде. Он несколько раз повторил свой вопрос, но так и не добился от них ни звука. Тогда тот же эдуй Дивитиак ответил: судьба секванов тем печальнее и тяжелее положения остальных галлов, что они даже тайно не смеют жаловаться и молить о помощи: Ариовист страшен для них своей жестокостью даже заочно, как если бы он сам был перед ними. Ведь все остальные имеют возможность хоть бежать, секванам же придется претерпеть всякие мучения, так как они приняли Ариовиста в свою страну и все их города находятся в его власти.

XXXIII

После этих сообщений Цезарь ободрил галлов и обещал позаботиться об этом деле: *он питает, говорил он, большие надежды на то, что Ариовист благодаря услугам и авторитету его, Цезаря, прекратит свои обиды.* С этими словами он распустил собрание. Но и помимо того многие другие соображения побуждали его подумать об этом деле и взять его на себя: прежде всего, он видел, что эдуи, которые неоднократно получали от нашего сената титул единокровных братьев римского народа, состоят в рабстве и в полном подчинении у германцев и их заложники находятся в руках Ариовиста и секванов; а это, при величии власти римского наро-

да, он считал величайшим позором для себя и для государства. Далее он понимал, что для римского народа представляет большую опасность развивающаяся у германцев привычка переходить через Рейн и массами селиться в Галлии: понятно, что эти дикие варвары после захвата всей Галлии не удержатся – по примеру кимбров²³ и тевтонов²⁴ – от перехода в Провинцию и оттуда в Италию, тем более что секванов отделяет от нашей Провинции только река Родан. Все это, по мнению Цезаря, необходимо было как можно скорее предупредить. Но и сам Ариовист успел проникнуться таким высокомерием и наглостью, что долее терпеть такое его поведение не представлялось возможным.

XXXIV

Поэтому Цезарь решил отправить к Ариовисту послов с требованием выбрать какое-либо место, одинаково от них обоих удаленное, для переговоров, которые он желает вести с ним о делах государственных и по вопросам, очень важным для них обоих лично. Этому посольству Ариовист ответил: *если бы ему самому был нужен Цезарь, то он к нему и явился бы, а если Цезарю что-либо от него угодно, то он должен прийти к нему. Кроме того, он не решился бы явиться без*

²³ Кимбры (Cimbri) – германское племя, жившее в Северной Ютландии. В 113 г. до н. э. вместе с тевтонами двинулись на юг и опустошили Галлию.

²⁴ Тевтоны (Teutoni) – германское (или, может быть, кельтское) племя.

войска в те части Галлии, которыми владеет Цезарь, да и войско он не может стянуть в одно место без провианта и без сложных приготовлений. Ему только удивительно, какое дело Цезарю и вообще римскому народу до его Галлии, которую он победил войной.

XXXV

Когда этот ответ был сообщен Цезарю, то он снова отправляет к Ариовисту послов со следующим поручением: *за великую милость со стороны его, Цезаря, и римского народа, именно – за то, что в его консульство сенат признал его царем и союзником, – чем Ариовист отблагодарил теперь его и римский народ – отказом от приглашения явиться для переговоров и нежеланием высказаться по вопросам, общим для них, и даже познакомиться с ними! Поэтому Цезарь предъявляет ему следующие требования: во-первых, он не должен производить никаких дальнейших массовых переселений через Рейн в Галлию; далее он должен возвратить эдуям их заложников, а секванам разрешить вернуть – с его соизволения – эдуям имеющихся от них заложников; не беспокоить эдую какими-либо враждебными действиями и не идти войной на них и их союзников. Если Ариовист удовлетворит эти требования, то у него навсегда сохранятся добрые отношения и дружба с Цезарем и с народом римским; но если Цезарь не получит удовлетворения, то он не сочтет себя вправе за-*

крывать глаза на обиды, чинимые эдуюм, так как в консульство М. Мессалы и М. Писона сенат постановил, что каждый наместник Провинции Галлии обязан защищать эдуюв и остальных друзей римского народа соответственно интересам республики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.